

Н. Н. Николина
Екатеринбург, Россия

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме определения понятия «фоновые знания» и его значению в процессе межкультурной коммуникации. Анализируются различные подходы к определению понятий «реалии» и «фоновые знания», а также приводятся их классификации. Фоновые знания рассматриваются как способ приобщения к другой культуре.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *иностранные языки, языковая личность, языковая картина мира, межкультурная коммуникация, фоновые знания.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Николина Наталия Николаевна, бакалавр филологии, студент первого курса магистратуры филологического факультета, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: nickolyasya@yandex.ru*

N. N. Nikolina
Ekaterinburg, Russia

BACKGROUND KNOWLEDGE ROLE IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article is devoted to the problem of the definition of the notion “background knowledge” and its role in the process of cross-cultural communication. Different approaches to the definitions of such notion as “realias” and “background knowledge” are analysed and their classifications are presented. Background knowledge is considered as the way of enculturation.*

KEY WORDS: *foreign languages, language personality, linguistic world image, cross-cultural communication, background knowledge.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nikolina Natalia Nikolaevna, bachelor of philology, first-year master’s degree student, the Ural federal university, Ural state institute.*

Согласно Н. Д. Гальсковой, залогом формирования успешной вторичной языковой личности является развитие компетенции межкультурного общения наряду с развитием коммуникативной компетенции. Иными словами, подразумевается, что для успешного овладения иностранным языком и, в дальнейшем, межкультурного общения необходимо изучение не только самого иностранного языка на всех его уровнях, но и культуры изучаемого языка. Связано это с тем, что в рамках теории языковой личности одной из важных идей является идея о том, что язык в той или иной степени отражает «определенный способ восприятия мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 452], картину мира людей, говорящих на нем. Безусловно, представления о мире не могут полностью совпадать даже у всех носителей одного определенного языка, однако какие-то основные аспекты можно назвать общепринятыми. Говоря о русском языке, А. Д. Шмелев утверждает, что «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 452]. Но если представления о мире могут быть различны даже у носителей одного языка, то тем более они не конгруэнтны у носителей разных языков. Данный факт составляет одну из главных трудностей в процессе межкультурной коммуникации. Решением данной проблемы может выступать такой подход к изучению языка, при котором овладение иностранным языком означает не просто формальное его изучение, но и приобщение к другой языковой картине мира.

Таким образом, изучение иностранного языка подразумевает развитие языковой и концептуальной картины мира, то есть развитие когнитивных (интеллектуальных) аспектов личности. Данное развитие напрямую связано с овладением изучающими иностранный язык фоновыми знаниями.

Обращаясь к определению понятия «фоновые знания», стоит отметить, что на сегодняшний день существует несколько разнообразных подходов к проблеме фоновых знаний и, соответственно, несколько определений. Фоновые знания могут пониматься как вид «неявного знания» [Губанова 2010: 255] или

как «скрытая внеязыковая информация (имена исторических лиц, упоминания исторических событий, библейские, литературные и исторические аллюзии, подтекст)» [Томахин 1997: 130].

Наиболее часто упоминаемым является определение, данное О. С. Ахмановой, согласно которому фоновые знания (англ. *background knowledge*) – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова 1966: 498].

О реалиях говорит и Г. Д. Томахин в своем учебном пособии «Реалии – американизмы». По мнению Г. Д. Томахина, именно реалии «являются компонентом фоновых знаний, необходимых для понимания иноязычного текста» [Томахин 1997: 5]. К реалиям Г. Д. Томахин относит «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [Томахин 1997: 5].

Однако, как указывает сам же Г. Д. Томахин, существует проблема двойного понимания реалии: «1) как предмета, понятия, явления, характерного для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающегося у других народов; 2) как слова, обозначающего такой предмет, понятие, явление, а также словосочетания (обычно — фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающего такие слова» [Томахин 1997: 11]. Несмотря на это, в переводоведении и лингвострановедении термин «реалия» укрепился в значении «слово», а не «предмет».

В данном значении, согласно Г. Д. Томахину, реалии являются безэквивалентной лексикой, и под ними следует понимать «слова, обозначающие предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны изучаемого языка, которые отличаются полностью или частично от лексических понятий слов сопоставляемого языка» [Томахин 1997: 6]. Таким образом, понятие «реалия» довольно обширно, так как охватывает несколько уровней жизнедеятельности представителей страны изучаемого языка. Это подтверждает и классификация реалий, которую приводит Г. Д. Томахин, в которой он выделяет:

1. Ономастические реалии:

а) географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации;

б) антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора;

в) названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и многие другие;

2. Реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой:

а) географические термины, обозначающие особенности природно-географической среды, флоры и фауны;

б) некоторые слова (в том числе, общеизвестные термины), относящиеся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, искусству, системе образования, производству и производственным отношениям, быту, обычаям и традициям, и другие.

3. Реалии афористического уровня (цитаты, крылатые слова и выражения).

Г. Д. Томахин также классифицирует фоновые знания по сфере их распространения:

1. Общечеловеческие знания (например, всем без исключения людям известны солнце, ветер, рождение, время и т.д.);

2. Региональные сведения (не все жители тропиков, например, знают, что такое снег).

3. Сведения, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности (нации).

4. Сведения, которыми располагают только члены локально (жители данной местности) или социально замкнутой группы - в языковом плане это соответствует территориальным и социальным диалектам (например, названия местных географических объектов и связанные с ними ассоциации).

5. Сведения, которыми располагают только члены данного микроколлектива, такие как семья, учебная или производственная группа и т.п. (например, прозвища, известные лишь небольшому кругу людей, ассоциации, связанные с историей данного микроколлектива, происшествия, не выходящие за его пределы) [Карапетян, Мясковская 2012: 121].

По-другому к проблеме фоновых знаний подходят Е. М. Верещагин и Е. Г. Костомаров. В своей работе «Язык и культура» они говорят о лексическом фоне – «совокупности непонятных семантических долей (Сдолей)» [Верещагин, Костомаров 2005: 72-73]. Под семантическими долями авторы подра-

зумевают «элементарные понятия» [Верещагин, Костомаров 2005: 65]. Будучи производным от понятия «фоновые знания» (background knowledge), лексический фон является «компонентом лексической семантики, который ответствен за накопление, преобразование, хранение, а также отчасти и за активное производство национально-культурной информации» [Верещагин, Костомаров 2005: 73].

При этом исследователи подчеркивают, что лексический фон – это «явление общественного сознания», которое «устойчиво известно всем членам национально-культурной и языковой общности людей» [Верещагин, Костомаров 2005: 78].

Согласно Е. М. Верещагину и Е. Г. Костомарову, каждое слово вызывает у нас ряд ассоциаций, то есть обладает лексическим фоном, который и является хранителем знаний. Иными словами, каждое слово как «строевая единица языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 147] является носителем знаний, то есть язык выполняет кумулятивную функцию. И эти накопленные знания передаются в процессе коммуникации.

Точку зрения Е. М. Верещагина и Е. Г. Костомарова о фоне разделяют и О. С. Ахманова и И. В. Гюббенет, но при этом они разводят два понятия: «фоновые знания» и «вертикальный контекст». Согласно их интерпретации, фоновые знания – это «социально-культурный фон, который характеризует воспринимаемую речь» [Ахманова, Гюббенет 1977: 47], а вертикальный контекст – это «историко-филологический контекст данного литературного произведения и его частей» [Ахманова, Гюббенет 1977: 49]. При этом фоновые знания относятся к объекту страноведения, а вертикальный контекст («историко-филологического минимума», определяемого знанием мифологии, произведений классиков древности, библии и произведений современников») – к объекту филологии [Сорокин 1998: 22].

А. Н. Крюков в своей работе «Фоновые знания и языковая коммуникация» выражает несогласие с таким разделением, настаивая на его искусственности, так как к вертикальному контексту могут относиться не только «образы литературных героев или героев мифологии, но и имена реальных исторических личностей» [Сорокин 1998: 22].

А. Н. Крюков полемизирует также и с Е. М. Верещагиным и Е. Г. Костомаровым. Прежде всего, А. Н. Крюков заявляет о несостоятельности понятия «лексический фон», так как его приходится объяснять через другое понятие – «семантические доли».

Он также не согласен с тем, что слово выполняет кумулятивную функцию: слово не «вместилище знаний» (по Е. М. Верещагину и Е. Г. Костомарову), «а лишь форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании» [Сорокин 1998: 27–28]. Продолжая свою мысль, А. Н. Крюков говорит о том, что одним и тем же знанием можно овладеть «в форме различных значений» [Сорокин 1998: 27–28].

Согласно выводам, сделанным А. Н. Крюковым, можно прокомментировать заявления, сделанные Е. М. Верещагиным и Е. Г. Костомаровым. Слово вызывает у говорящих определенные ассоциации, но чтобы эти ассоциации возникли, необходимо, прежде всего, овладеть невербальным знанием, которое после овладения либо входит в семантику слова, либо так и остается непривязанным к какому-то конкретному слову, то есть вообще не является языковым. Таким образом, прежде всего мы овладеваем знанием, а уже потом оно составляет семантику слова. Изначально такое знание является неязыковым, и, как утверждает А. Н. Крюков, «привязывание» фоновых знаний к лексеме методологически неправомерно» [Сорокин 1998: 25]. Однако порой экстралингвистическое знание «активируется» именно благодаря конкретному слову (или группе слов).

А. Н. Крюков призывает не ограничивать фоновые знания только лишь конкретными языковыми единицами: фоновое знание не должно обязательно быть привязано к какому-то определенному слову. Для примера он приводит роман индонезийского писателя Р. Муиса, в котором мать, убеждая сына жениться на девушке, особо подчеркивает тот факт, что он берет в жены дочь своего дяди. Далее для объяснения А. Н. Крюков использует термин «пресуппозиция», поэтому необходимо дать его определение. Согласно определению, данному в «Большом лингвистическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой, пресуппозиция (от лат. *prae* – впереди, перед и *suppositio* – предположение) (презумпция) – «термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически anomальное или неуместное в данном контексте» [Ярцева 1998: 396]. В данном случае пресуппозицией, которая эксплицируется в русском переводе, является тот факт, что такой брак является достойным. Как указывает А. Н. Крюков, данная пресуппозиция не привязана к какому-то конкретному слову,

«это факт смыслового уровня сознания, который хранится там, в данном случае, в виде обобщенного образа нормы поведения» [Сорокин 1998: 28].

Таким образом, можно сделать важный вывод о том, что фоновые знания не ограничиваются конкретными словами-реалиями (например, топонимами) – как это уже было указано ранее, но включают в себя знания, напрямую не связанные со значением конкретного слова (например, знание норм поведения при определенной ситуации).

В. С. Виноградов предлагает использовать понятие «фоновая информация», которое является более узким, чем понятие «фоновые знания», и определяется как «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Виноградов 2001: 36]. В. С. Виноградов подчеркивает, что фоновая информация – это «только те знания (сведения), которые отражены в национальном языке, в его словах и сочетаниях», не отрицая при этом, что фоновые знания могут быть и экстралингвистическими [Виноградов 2001: 36]. Помимо исторической и актуальной фоновой информации, он также выделяет долговременную и кратковременную, указывая, что именно кратковременная фоновая информация представляет сложность для понимания иноязычного текста, так как не отражается в словарях, в отличие от долговременной фоновой информации.

В данном подходе упор делается также на лингвистический характер фоновых знаний, поэтому более удачным определением понятия «фоновые знания», основанном на работах Е. М. Верещагина и Е. Г. Костомарова, Ю. Е. Прохорова, В. В. Сафоновой, кажется более подробное определение, которое дается в «Словаре методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина: фоновые знания – это «знания, характерные для говорящих на данном языке, обеспечивающие речевое общение, в процессе которого эти знания проявляются в виде смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения носителей языка» [Азимов, Щукин 2009: 340].

Проанализировав существующие определения понятия «фоновые знания», можно выявить биполярную тенденцию, согласно которой фоновые знания характеризуются как знания лингвистические, то есть выраженные в языке, и экстралингвистические, то есть знания, которые содержатся в тексте импли-

цитно, не связанные с языковым значением какого-либо слова. Но фоновые знания не ограничиваются только какими-то конкретными словами (реалиями), они могут включать невербальные знания, то есть не выраженные в языке. Таким образом, определение понятия «фоновые знания» должно сочетать в себе две эти точки зрения, учитывать оба компонента. Создание такого определения может являться перспективой для дальнейших исследований в этой области.

Подводя итоги всему сказанному ранее, представляется возможным сделать вывод о важности фоновых знаний в процессе межкультурной коммуникации. Как указывает В. Н. Комиссаров, даже в условиях коммуникации представителей одной культуры «каждый из коммуникантов обладает своими фоновыми знаниями», которые, безусловно, являются для них общим, но не всегда конгруэнтны, поэтому «восприятие и понимание высказывания нетождественны» [Комиссаров 2002: 47]. Л. С. Бархударов, говоря об участниках коммуникативного акта, также указывает на то, что каждый из них «характеризуется наличием определенного опыта как нелингвистического (знания об окружающем реальном мире), так и лингвистического (знание языка) характера» [Бархударов 1975: 33]. Если же мы говорим о межкультурной коммуникации, то, несмотря на то что представители разных культур обладают общими фоновыми знаниями, так как «существуют факторы, общие для многих или некоторых культур» [Комиссаров 2002: 71], процент общих фоновых знаний все же значительно меньше, что составляет определенную сложность для взаимопонимания коммуникантов. Важно также учесть, что необладание фоновыми знаниями может привести к не просто непониманию, но и искажению смысла высказывания, когда языковая картина мира одного из участников межкультурной коммуникации приписывается другому. В данном случае речь идет о лингвострановедческой интерференции, «в основе которой лежит перенос» одним из участников межкультурной коммуникации «навыков и сведений из привычной ему действительности во вторичную культуру» [Верещагин, Костомаров 2005: 118]. Владение фоновыми знаниями о культуре страны изучаемого иностранного языка поможет избежать данной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : ИКАР, 2009. 448 с.

Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. № 3. 47–54 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Губанова Е. О. Неявное знание: сущность и виды // ЗПУ. – 2010. № 4. 253–256 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сборник статей. – М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Карапетян О. В., Мясковская Т. В. Сопоставительное лингвострановедение и фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2012. № 4 (59). 120–123 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие. – М. : ЭТС. – 2002. – 424 с.

Сорокин Ю. А. Этнопсихоллингвистика / отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

Томахин Г. Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению : учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Высшая школа, 1988. 239 с.

Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь ; 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.